

ЗАКЛЯТИЕ
ДРЕВНИХ МАОРИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

Доктор Джеймс Акрингтон, доктор медицины, доктор физиологии, президент гражданской службы федеральных медиков

Барбара Клэр, его племянница

Миссис Клэр, его сестра

Полковник Эдвард Клэр, его зять

Саймон Клэр, его племянник

Хойя, горничная пансиона Ваи-Ата-Тапу

Джеффри Гаунт, заезжая знаменитость

Дайкон Белл, секретарь знаменитости

Альфред Колли, лакей

Морис Квестинг, деловой человек

Руа Те-Каху, вождь племени те-рарауас

Герберт Смит, человек на подхвате в Ваи-Ата-Тапу

Эру Саул, полукровка

Септимус Фолс

Принцесса Те-Папа (миссис Те-Папа) из племени те-рарауас

Сержант Уэбли из уголовной полиции Гарпуна Суперинтендант полиции

МАОРИЙСКИЕ СЛОВА И ВЫРАЖЕНИЯ,
ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ В ЭТОМ ТЕКСТЕ

Ауи! Ауи! Ауи! Те мамаи и ау! — Увы! Увы! Увы! О горе!

Ху! — привет!

Хаере маи — здравствуй, привет

Хапу — клан

Каинга — лачуга

Мараи — замкнутое пространство, двор перед домом Ма-
тагоури — неверный пес

Дискариа тоумауту — колючий кустарник

Макуту — заклятие, колдовство

Па — поселение

Пакеха — чужеземец. Обычно — белый

Токи — топор

Токи-поутангата — топорик из диабазы или зеленого пор-
фира Ухаре — дом

Глава 1

КЛЭРЫ И ДОКТОР АКРИНГТОН

I

В понедельник днем, тринадцатого января, доктор Джеймс Акрингтон добрался до Гарпун-клуба в наипресквернейшем расположении духа, готовый метать громы и молнии. Казалось, все вокруг просто сговорилось, чтобы довести его до белого каления. Начать с того, что он дурно спал после склоки с сестрой, вспыхнувшей по какому-то совершенно пустяковому поводу, — сначала они повздорили, не сойдясь во мнении насчет целебной ценности грязевых ванн, а потом вконец разругались из-за того, как правильно жарить глазунью. Попросив ежедневную газету за прошлый четверг, доктор Акрингтон услышал в ответ, что в нее завернули какую-то снедь для пикника мистера Мориса Квестинга. Юная племянница доктора, Барбара, уличенная в этом злодеянии, выслушав справедливое обвинение доктора, разразилась своим обычным идиотским смехом, после чего принесла газету, заляпанную тухлым жиром и насквозь провонявшую луком. Гневно потрясая перед носом негодницы изувеченной газетой, доктор Акрингтон преобильно стукнулся копчиком о край стола. Скрежеща зубами от боли и охваченный слепой яростью, он проковылял в свою комнату, разделся, принял душ, закутался в банный халат и, припадая на ногу, как подстреленная птица, гневно проковылял к самому горячему целебному источнику. И что же — там уже восседал (чтоб его черти разорвали!) мистер Морис Квестинг, нежа свои омерзительные чресла в пузырьках газа, тучами вздымавшихся на поверхность. При виде доктора мистер Квестинг нахально расхохотался и заявил, что собирается торчать в источнике еще целых двадцать минут. Более того, негодяй посмел указать доктору Акрингтону на соседние источники, куда менее

горячие, но зато пустующие. Доктор Акрингтон, с трудом балансируя на затвердевшем иссиня-сизом глинистом берегу источника, в самых отборных и изошренных выражениях высказал все, что думает по поводу такой наглости, но его голый противник в ответ только гнусенько хихикал. Кипя от злости, доктор Акрингтон вернулся к себе, оделся и, не найдя, на ком излить свой справедливый гнев, взгромоздился в машину и, нещадно пришпоривая металлического скакуна, погнал его вверх по крутому косогору к дороге на Гарпун.

Пройдя в здание клуба, он забрал почту и завернул в читальню. Окна ее выходили на живописную бухту, воды которой в этот мирный летний денек* были безмятежно гладки, бережно сохраняя безукоризненную голубизну неба и сказочную белизну песка, оттеняемого огненным багрянцем пышно цветущих деревьев — гордости Нортленда**. Призрачно мерцающие волны тепла, вздымаясь с раскаленного асфальта у входа в клуб, причудливо искажали очертания деревьев и окаймляющих залив гор, словно раскачивая их на невидимых качелях, отчего весь этот сохранившийся со времени оного пейзаж казался скорее миражом, нежели подлинным творением природы.

Зрелище было изумительное, но доктора Акрингтона оно не тронуло. Подумав лишь, что день выдался до омерзения жарким, он один за другим вскрыл конверты и быстро просмотрел письма. Внимания заслуживало лишь одно. Разложив его перед собой на столе, доктор Акрингтон погрузился в чтение, тихонько насвистывая. Вот что он прочитал:

«Харли Чамберс,
Окленд, С1,
Новая Зеландия.

Глубокоуважаемый доктор Акрингтон!

Осмелюсь спросить Вашего совета по весьма деликатному поводу. Речь идет об одном из моих пациентов — нашей заезжей знаменитости, Джеффри Гаунте. Как Вам,

* В Новой Зеландии в январе стоит разгар лета. — *Здесь и далее примеч. пер.*

** Провинция на севере Новой Зеландии.

должно быть, известно, перед самым началом войны он приехал в Австралию в составе труппы шекспировского театра, а потом в числе прочих актеров остался на Зеленом континенте, играя благотворительные спектакли и отдавая все сборы различным патриотическим фондам. Когда же труппу распустили, он перебрался к нам, в Новую Зеландию, где (это, должно быть, ускользнуло от Вашего внимания, ибо я помню Вашу нелюбовь к радио) не раз выступал в эфире с пламенными патриотическими призывами. Месяц назад он обратился ко мне с жалобой на бессонницу, острую боль в суставах, потерю аппетита, депрессию и общее недомогание. Спросил, могут ли его с такими симптомами призвать на действительную военную службу. Сказал, что готов вернуться в Англию, но только в том случае, если сможет реально помочь своей родине. Я определил у него фиброзит и нервное истощение, прописал умеренную диету и сказал, чтобы он и думать забыл об армии. Кажется, ему втемяшилось в голову написать автобиографию. Похоже, все просто помешались на автобиографиях. Я сказал, что неплохо бы объединить это занятие с водными процедурами и полным покоем. Предложил ему махнуть в Роторуа, но Гаунт пришел в ужас. Сказал, что сыт по горло охотниками на львов и прочими авантюристами, да и вообще терпеть не может болтаться где-то при стечении народа.

Вы, должно быть, уже догадались, куда я клоню.

Я знаю, что Вы живете в Ваи-Ата-Тапу, а заведует курортом Ваша сестра или ее муж. Я слышал также, что Вы трудитесь над *magnum opus**, из чего сделал вывод, что атмосфера на курорте вполне благоприятствует спокойной работе и отдыху. Буду очень признателен, если Вы ответите, подойдет ли это место для моего пациента и согласятся ли полковник Клэр и миссис Клэр принять его месяца на полтора-два. Я знаю, что в последнее время Вы отошли от активной практики, а потому заранее извиняюсь за следующую просьбу. Не возьмете ли Вы на себя труд хоть немного присматривать за мистером Гаунтом? Это необычайно колоритная личность, и,

* Главный труд (*лат.*).

возможно, Вам будет небезынтересно заполучить такого уникального пациента. От себя добавлю, что буду счастлив и горд поручить его столь выдающемуся целителю.

Гаунт путешествует вместе с секретарем и слугой, желательно поселить их отдельно.

Прошу простить меня за столь затянутое и (возможно) несколько бестактное послание.

Искренне Ваш
Иан Форстер».

Дважды перечитав письмо, доктор Акрингтон сложил его пополам, упрятал в книгу и, не переставая насвистывать, набил трубку табаком и закурил. Минут пять спустя он придвинул к себе чистый лист бумаги и быстро набросал ответ витиеватым почерком.

«Дорогой мой Форстер!

Благодарю за письмо. Оно заслуживает откровенного ответа и — вот он. Местечко Ваи-Ата-Тапу, как Вы справедливо заметили, и впрямь принадлежит моей сестре и ее мужу, которые открыли здесь климатический курорт с термальными источниками. Лично я считаю обоих Клэров отъявленными ослиами, однако в отличие от многих других они честные ослы и настоящие трудяги. На мой взгляд, на курорте царит полный бардак, но почему-то (я это точно знаю) мое мнение никто не разделяет. Полковник Клэр — бывший служака, и я никак не возьму в толк, что ему мешает навести у себя такой же порядок, как в казарме, тем более что я уже не раз ему это предлагал. Сестрица же моя вообще витает в облаках. Ввязавшись не в свое дело, она тем не менее ухитряется ладить с приезжающими страдальцами; кроме меня, упрекать ее никто не решается. Добавьте ко всему, что, вкалывая до седьмого пота, эта парочка не получает ни малейшей прибыли. Что же касается пресловутых целебных свойств местных источников, то вода их чрезвычайно богата щелочами, серой и уголекислотой. Есть здесь также кремнистые грязевые ванны, о которых мой зять говорит с придыханием: якобы из них выделяется радиоактивный газ. Я-то считаю, что это полная чушь,

но я единственный, кто так думает. Впрочем, кто его знает: может, эта грязь и вправду окажется чудодейственной. Во всяком случае, хуже моей ноге не стало.

Что касается Вашего уникального пациента, то, даже не зная, насколько высоки его требования к удобствам, могу твердо обещать, что в Ваи-Ата-Тапу он таковых не получит, хотя все тут, без сомнения, с ног собыются, чтобы ему угодить. С другой стороны, даже если мои беспутные родственники сядут в лужу, особо страдать ему все равно не придется — как-никак при нем будут секретарь и слуга. Словом, я сомневаюсь, что здесь Вашему протезе будет значительно хуже, чем в любом другом уголке этой несравненной страны. Денег с него точно взыщут меньше, чем где бы то ни было. Разве что Гаунт закажет себе отдельную гостиную, за которую с него возьмут дополнительно. Но безусловно, не втридорога. Наблюдает за пациентами здесь некий доктор Тонкс из Гарпуна. Тут я молчу. Возможно, это даже послужит косвенной рекомендацией целебности местных источников, но покамест еще никто из пользовавшихся ими пациентов Тонкса не отправился на тот свет. Очевидных причин отказывать Вам в присмотре за мистером Гаунтом у меня нет, поэтому если Вы (равно как и он) и в самом деле этого желаете, то извольте. Заодно должен признаться, что Ваши слова о мистере Гаунте несколько изменили мое о нем представление как о чванливом кастрированном павлине — увы, но в наши проклятые дни таковы почти все представители интеллигенции нашей старой доброй Англии.

Мой *magnum opus*, как Вы его (без всякого сомнения — иронично) окрестили, медленно, но верно продвигается, несмотря на упорные попытки моих ближайших сподвижников этому воспрепятствовать. Скажу Вам без обиняков, что хотя автобиографические излияния театральных деятелей даже отдаленно не согласуются с моим понятием о серьезной работе, я тем не менее искренне надеюсь, что мистеру Джеффри Гаунту удастся преуспеть там, где сяду в калошу я.

Еще раз благодарю за письмо.
Ваш Джеймс Акрингтон.

P.S. Я окажу Вам и Вашему пациенту медвежью услугу, если умолчу, что его пребывание на курорте может быть безнадежно отравлено наигнуснейшей личностью, когда-либо обитавшей на Земле, которая каким-то мистическим образом ухитряется околачиваться сразу повсюду. Я не шучу — это крайне подлый, наглый, мерзопакостный и сверх всякой меры подозрительный субъект.

Дж. А.»

Когда доктор Акрингтон запечатал и надписал конверт, его привычно суровое лицо вдруг на мгновение просветлело. Он позвонил в колокольчик, заказал порцию виски с содовой и с чувством выполненного долга приступил к сочинению второго письма.

«Родерику Аллейну, эсквайру,
старшему инспектору уголовного отдела.
Главное полицейское управление,
Окленд.

Сэр!

Наши газетчики со свойственной им то ли халатностью, то ли неосторожностью сообщили о Вашем приезде в Новую Зеландию в связи с расследованием возмутительной утечки информации, которая привела к гибели парохода «Ипполита» в прошлом ноябре.

Считаю своим долгом проинформировать Вас о крайне подозрительном поведении одного субъекта, в настоящее время проживающего на курорте Ваи-Ата-Тапу, на берегу Гарпунской бухты. Этот субъект, именующий себя Морисом Квестингом, регулярно с наступлением темноты покидает дом. Насколько я знаю, он забирается на вершину пика Ранги, расположенного на территории национального заповедника и выходящего западным склоном прямо к морю. Я неоднократно наблюдал, как по ночам с этого склона кто-то подает странные световые сигналы. Обратите внимание, что «Ипполита» была пущена ко дну всего в двух милях от Гарпунской бухты.

На расспросы вышеупомянутый Квестинг отвечает крайне уклончиво, а порой и откровенно лжет.

Я счел необходимым поделиться своими подозрениями с местными блюстителями порядка, однако расшевелить их и пробудить от преступной (да-да!) дремоты мне так и не удалось.

Имею честь засвидетельствовать свою преданность и уважение, Джеймс Акрингтон, доктор медицины, доктор физиологии, президент гражданской службы федеральных медиков».

Официант принес напиток. Доктор Акрингтон тут же обвинил его в подмене заказанной марки виски на какую-то дрянь, но отчитал его вяло, влекомый скорее чувством долга, нежели гневом. Безропотный лепет провинившегося он воспринял тем не менее с поразительной мягкостью, в конце даже великодушно заметил, что, должно быть, схалтурили сами изготовители. Осушив стаканчик, доктор Акрингтон нахлобучил набекрень шляпу и заковылял к выходу. Швейцар услужливо распахнул перед ним дверь.

— Говорят, с театра военных действий поступают хорошие новости, сэ, — учтиво произнес он.

— Чем раньше мы все сдохнем, тем лучше, — ухмыльнулся доктор Акрингтон. Затем визгливо захихикал и быстро захромал вниз по ступенькам.

— Он шутит так, что ли? — недоуменно спросил швейцар официанта. Тот возвел глаза к небу.

II

Полковник Клэр и его жена прожили в Ваи-Ата-Тапу уже двенадцать лет. В Новую Зеландию они приехали из Индии, когда их дочери Барбаре, появившейся на свет через три года после свадьбы, было тринадцать, а сыну Саймону — девять лет. Друзьям Клэры сообщили, что хотят вырваться из рутины жизни, обычно поджидавшей отставных военных в Англии. К тому же полковник получил кое-какое наследство, на большую часть которого Клэрам, перебравшимся в курортное местечко, прославившееся своими минеральными водами, и удалось отстроить неброский, но уютный пансион. Оставшуюся сумму чета потихоньку спустила, поучаствовав в не-